

УДК 821.161.1.09 "18"

ББК 83.3 (2=Рус)5

К 89

Кукуева А.А.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Дагестанского государственного педагогического университета, e-mail: zhazigalka@yandex.ru

«Сон Обломова» - евразийская «лебединая песня» русской литературы (Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается уникальная структура «Сна Обломова» в романе И.А. Гончарова «Обломов», которая содержит евразийские общечеловеческие характеристики и качества. Показано, что воспроизводимый в романе «сон» может сопоставляться как независимое, автономное составляющее текста романного пространства. Отмечается, что «Сон Обломова» вбирает в себя всевозможные комбинации результатов жизнедеятельности человека, его мысли и сам дух. Установлено, что информация-имитация «сна», заложенная писателем в текст произведения, вызывает в сознании читателя ассоциацию отображения действительности в системе учения о симфонической личности как концептуальной основы эстетической теории евразийства.

Ключевые слова:

Русская литература, реализм, евразийство, учение о симфонической личности, художественная форма и содержание, мотивная структура.

Kukueva A.A.

Candidate of Philology, Associate Professor of Literature Department, Daghestan State Pedagogical University, e-mail: zhazigalka@yandex.ru

«Oblomov's dream» – the Eurasian “swan song” of the Russian literature

Abstract:

The aim of the present paper is to interpret «Oblomov's Dream», the novel by I.A. Goncharov, proceeding from the latest literary critic works. The objective of the study is to identify the ideological, artistic and aesthetic features of «Oblomov's Dream». The author arrives at a conclusion that the analyzed text reflects the motives of the Eurasian doctrine on the symphonic personality as the conceptual foundation of the aesthetic theory of the Eurasianism.

Keywords:

Russian literature, realism, Eurasianism, doctrine on the symphonic personality, artistic form and content, motivic structure.

Несмотря на то, что о Гончарове и его романе написаны на сегодняшний день сотни и тысячи статей, о нем часто говорят как о «загадочном писателе». И, кажется, началось всё с публикации фрагмента еще не увидевшего света самого романа «Обломов» – «Сна Обломова». Более того: по мере социально-политических и общественно-культурных изменений в российской истории, прошедших со дня

выхода романа и его осмысления в русской критике, неоднозначный и неослабевающий интерес к роману как будто и не уменьшается. Скрытые, «свернутые» смыслы вдруг проявлялись в хорошо известном романе, заставляя критиков задуматься над тем, что было уже не раз так авторитетно и убедительно объяснено такими выдающимися отечественными писателями и критиками как Л.Толстой, Тургенев, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Дружинин, Ап. Григорьев и др. [1: 30].

Между тем, в работах последних двух десятилетий наметился новый подход к изучению художественной стороны наследия И.А. Гончарова. Этот поворот к философско-эстетической стороне творчества Гончарова, наметившийся в литературоведении, и определяет актуальность данной работы. На фоне довольно значительных достижений гончароведения последних лет книги Е.А. Краснощековой заслуживают особого внимания. Интерпретации и гипотезы Е.А. Краснощековой даются на фоне многочисленного цитирования работ современных зарубежных исследователей творчества Гончарова. В частности, ключевой доминантой нашего восприятия «Сна Обломова» выступает предложенный Е.А. Краснощековой угол зрения на гончаровское творчество в целом, в особенности ее концепция исследуемого текста.

Для удобства в последующих анализах соотнесения художественного мира «сна» гончаровского героя с идиллией евразийской симфонической личности, как нам представляется, следует воспроизвести некоторые фрагменты из работы Е.А. Краснощековой «Детство Илюши» — центральное звено романной судьбы». Так, рассматривая амбивалентность образа Илюши, автор пишет: «Понять своеобразие этого мира помогают суждения М. М. Бахтина о жанре идиллии и ее соотношении с романом как жанром. Приметы идиллии, по Бахтину, определяются, прежде всего, ее специфическим хронотопом, к тому же проявленном очень жест-

ко. Особое отношение к пространству выражается в «органической прикрепленности, приращенности жизни и ее событий к месту — к родной русской земле со всеми ее уголками, к родным горам, родному долу, родным полям, реке и лесу, к родному дому... Пространственный мирок этот ограничен и довлеет к себе, не связан существенно с другими местами, с остальным миром». Отношение ко времени во многом диктуется отношением к пространству: единство места жизни многих поколений приводит к «смягчению всех граней времени», «существенно содействует и созданию характерной для идиллии циклической ритмичности времени». Еще одна важная особенность идиллии — это «строгая ограниченность ее основными немногочисленными реальностями жизни. Любовь, рождение, смерть, брак, труд, еда и питье, возрасты...». Наконец, идиллии присуще «сочетание человеческой жизни с жизнью природы, единство их ритма, общий язык для явлений природы и событий человеческой жизни». Кажется, что выводы Бахтина — непосредственный результат наблюдений над гончаровским текстом. Но нам известна широта материала, использованного ученым. Остается сделать предположение, что Гончаров очень последовательно строил картину Обломовки по жанровым законам идиллии» [2: 7].

Современный исследователь творчества И.А. Гончарова Всеволод Сахаров в работе «Скромное обаяние обломовщины» пишет: «Писатель задумал свой главный роман в 1847 году и вскоре опубликовал его центральную по смыслу и месту в повествовании главу — знаменитый «Сон Обломова» (1849). Это как бы увертюра, где обозначены и прописаны все главные темы будущего романа». И далее: «Десять лет упорного труда! И были авторские сомнения, вплоть до отказа в тяжелом 1857 году продолжать книгу: «"Обломова" еще нет и, может быть, и не будет». Так долго складывался и зрел в творческом сознании

автора романа его главный герой, выразивший капитальную, до сих пор не устаревшую идею Гончарова. Так трудно рождался великий роман о русском человеке и его вольной душе. И все увидели, что это самобытное развитие в новых исторических условиях великой идеи Гоголя. Ибо гоголевский период развития нашей словесности к этому времени давно закончился, и нельзя было только на его идеях и художественных достижениях написать новый роман и нового героя. Ведь за это этапное десятилетие переменялись Россия, ее народ, сама литература, иным стали воззрения и литературное мастерство Гончарова, объехавшего вокруг света и обдумавшего в дальних краях и морях свой главный роман. Изменилось и отношение автора к своему главному герою, вначале по-гоголевски мыслившемуся как тип «отрицательный» и даже сатирический, но затем ставшему таким родственным, понятным и любимым» [3: 6].

Для концепции нашей статьи важным методологическим инструментом является учение о симфонической личности, разработанное теоретиками классического евразийства П. Сувчинским, П.Савицким, Н. Трубецким и др. Симфонизм в евразийстве – это не что иное, как теоретико-методологическое и конкретно-политическое требование приоритетности консенсусного подхода, при котором, на основе взаимного уважения принимающих участие в политическом, культурном взаимодействии сторон к позиции друг друга ведётся постоянный и непрерывающийся поиск согласительных решений. Собственно говоря, согласие-созвучие и есть «симфония», в которой ни одна сторона не закрывает себе возможности контакта с любым участником, любой позицией. Более того, предполагается возможность обнаружения своего «потенциального» интереса в любой сколь угодно противоположной и непримиримой, на первый взгляд, позиции. При симфоническом подходе как раз

и ведётся постоянный и активный поиск, мониторинг тех точек соприкосновения (вселенского, универсалистского, общечеловеческого характера), которые примиряют самые противоположные, именно «полярные», позиции как в переговорном процессе, также и в межнациональном и межконфессиональном сосуществовании.

Интересны размышления исследователя русской и северокавказских литератур Чотчаевой М.Ю., которая отмечает одно из обобщенных представлений имагологии в широком смысле как антитезы «Восток-Запад» и возможность толерантности в их взаимоотношениях... При этом «большое значение придается собственному опыту рефлексивной стороны. Следует также учесть, что образ «другого», который формируется с ранних периодов его истории разными областями культуры представит не только в фиксированном запечатленном виде в словесном литературном творчестве, но и в виде... культурно – бессознательного, где накапливаются рядоположенные новые наслоения, события активизируют культурно-бессознательное и извлекают из «туманностей» памяти готовые формулы-стереотипы, имиджи, образы» [4: 3].

Многое проясняют свидетельства самого Гончарова о характере и свойствах собственного творчества, в том числе, зафиксированные в «Необыкновенной истории», в частности, в приводимом ниже фрагменте текста: «Приступаю теперь прямо к тому, что мне видится в моих трех романах, к общему их смыслу. Я упомянул выше, что вижу *не три романа, а один*. (Курсив романиста – прим. А.К.) Все они связаны одною общею нитью, одною последовательною идеею – перехода от одной эпохи русской жизни, которую я переживал, к другой – и отражением их явлений в моих изображениях, портретах, сценах, мелких явлениях и т. д. ...» [5: 321].

«Сон Обломова» – глава романа, не механически вставленная в него, а являющаяся органической частью произведения. Она ретроспективно объясняет то,

что уже показано на страницах первой части и предсказывает в определенной мере дальнейшие события. «Сон Обломова» повествует о рождении «человека идиллии» из обычного нормального ребенка, а то, как складывается судьба такого человека в большом мире, рассказывает уже сам роман «Обломов». В этой связи следует вспомнить известный отзыв довольно сдержанного на похвалы Л.Н. Толстого: «Обломов» – капитальнейшая вещь, какой давно, давно не было... имеет успех не случайный, не с треском, а здоровый, капитальный и невременный в настоящей публике» [6: 1]. В повествовании о детстве Илюши все время присутствует Илья Ильич, каким он предстает в первой части романа. Два возраста постоянно сопоставляются, чтобы высветлить ведущую авторскую мысль.

Упрощенным «прототипом» обломовской идиллии видится сцена в восьмой главе, когда Илья Ильич погрузился в поэтические мечты о жизни в имении, построенном по его плану: «Услужливая мечта носила его, легко и вольно, далеко в будущем». Но это будущее повторяет прошлое, как оно появится во «Сне», поскольку идиллия не знает различия во времени: она игнорирует не только различия, но и само время: «будет вечное лето, вечное веселье, сладкая еда да сладкая лень» [7: 62]. В мечтах наяву Обломов видит «райское, желанное житье» в кругу друзей на лоне природы, немедленно вызывающее воспоминания о сочинениях сентименталистов, к примеру, в поэтическом жанре дружеского послания. Здесь и пасторальный пейзаж: «вдали желтеют поля, солнце опускается за знакомый березняк и румянит гладкий, как зеркало, пруд, с полей восходит пар, становится прохладно, наступают сумерки, крестьяне толпами идут домой» [7: 62]. В доме - семейная идиллия: за столом «царица всего окружающего, его божество... женщина, жена!» Кругом резвятся его малютки. Здесь же дружеская идиллия - маленькая колония друзей, каж-

додневные встречи за обедом, за танцами... Портреты людей счастливых и здоровых: «ясные лица, без забот и морщин, смеющиеся, круглые, с ярким румянцем, с двойным подбородком и неувядающим аппетитом» [7: 62]. Идиллическое видение Ильи Ильича прерывается вторжением реальности: «Ах! Какое безобразие этот стольичный шум!» «Сон Обломова» – одно из совершенных произведений русской литературы, являясь, по словам его создателя, «ключом или увертюрой» всего романа, обладает законченностью самостоятельного произведения, что «его можно назвать отдельной повестью».

Идиллия в «Сне Обломова» куда более многосложна, поскольку сама глава в целом - искусно выстроенное здание (в тексте нет и намека на импровизацию - примету подлинного сна). У Гончарова все выверено, продумано: взяты условия «экспериментально чистые» для того, чтобы успешно провести исследование обстоятельств рождения такого феномена, как «человек идиллии». Мир Обломовки Гончаровым обозначен метафорически как благословенный уголок, мирный уголок, избранный уголок. Уже само слово «уголок» указывает на малость пространства и его отъединенность от мира. Определения подчеркивают его прелесть - «чудный край». Открывается «Сон» пейзажем, как это и принято в подобном жанре. Природа - самая широкая рама человеческой жизни. Картины в «Сне» движутся от большого к малому: от природного мира к жизни в Обломовке, а потом к миру Илюши. Скрупулезно представлены все атрибуты пейзажа в их особом идиллическом воплощении, столь отличном от романтического. Небо у романтиков «далекое и недостижимое», с грозами и молниями (напоминание о трансцендентальном), здесь уподоблено родительской надежной кровле, оно не противостоит Земле, а жмет к ней. Звезды, обычно холодные и недоступные, «приветливо и дружески мигают с неба». Солнце с «ясной улыбкой

любви» освещает и согревает этот мирок, и «вся страна... улыбается счастьем в ответ солнцу» [7: 80]. Луна – источник таинств и вдохновения, здесь именуется прозаическим словом «месяц»: она подходит на медный таз. «Общий язык человека и природы», характерный для идиллии, выражается в одомашнивании природы, лишении ее и масштаба, и духовности. Все знаки природы в контрасте с «диким и грандиозным» (море, горы) нарочито приуменьшены: не горы, а холмы, светлая речка (не река!) бежит по камешкам (вспомним еще раз «уголок»). Завершается картина неживой природы (своего рода пролог к описанию в том же духе - живой) прямым авторским словом-выводом. Этот уголок - искомое убежище для людей особой породы и судьбы: «Измученное волнениями или вовсе незнакомое с ними сердце так и просится спрятаться в этот забытый всеми уголок и жить никому не ведомым счастьем. Все сулит там покойную, долговременную до желтизны волос и незаметную, сну подобную жизнь» [7: 80]. К жителям Обломовки приложимо определение «вовсе незнакомое с волнениями сердце». К этой жизни, где правят тишина, мир и невозмутимое спокойствие, возможен приход и людей, уставших от жизни, сломленных ею. Но, вернее всего, их приход будет временным. Скука непременно сопутствует духовно развитому человеку в подобном мире (вспоминается Райский в Малиновке).

Ограниченность идиллической жизни немногочисленными бытовыми реальностями раскрывается в описании одного дня семилетнего Илюши. Точное указание возраста - важный элемент гончаровского романа, и даже идиллическая вневременность не стирает этого признака. Семь – сакральная цифра в русской мифологии, для Гончарова – это возраст уже сознательного осмысления ребенком мира и людей, когда он выделяется из «хора» и обретает свой «голос». Мир ребенка и мир взрослых с первого момента описа-

ния «детства Илюши» даны в сопоставлении, нередко – в противопоставлении. Начинается день Илюши с пробуждения, материнской ласки и утренней молитвы. Его мир поэтичен, подан в контексте поэтического же пейзажа: «Утро великолепное, в воздухе прохладно... вдали поле с рожью точно горит огнем, да речка так блестит и сверкает на солнце, что глазам больно» [7: 87]. А в доме Обломовых утро начинается обыденно - с обсуждения и приготовления обеда, поскольку «забота о пище была первая и главная жизненная забота в Обломовке». Именно она стояла в центре их «такой полной, муравьиной» жизни, символом которой становится исполинский пирог. Как пирог - всеобщая пища (от хозяев до кучеров), так и сон после обеда: «всепоглощающий, ничем непобедимый сон, истинное подобие смерти» [7: 89]. Общая еда, одновременный сон – примета обломовского мира, отражающая его нерасчлененность, его архаическую общинность.

Следует, наконец, специально подчеркнуть то, что с особой силой интерес к творчеству Гончарова появился в последние годы, когда современное литературоведение ушло от социологизирования и перешло к рассмотрению философского пласта произведений русских классиков. Мы имеем в виду не только наметившуюся, а активно заявляющую о себе в настоящее время тенденцию переосмысления многих произведений русской классики под углом различных, в том числе, религиозно-философских, культурологических, социологических, литературоведческих, психолингвистических и прочих направлений гуманитаристики на «полях» кросс-культурного пространства. Все сказанное позволяет рассматривать творчество И.А. Гончарова, в том числе, его роман «Обломов» в контексте современных новейших, в частности евразийских концепций. Именно в этом плане И.А. Гончаров особенно современен: его политические, эстетические, художественные идеалы созвучны простому и конструктивно-

му евразийскому идеалу: отношения между народами нужно строить не на войнах и распрях, а на мире и согласии. Вот почему Россия должна ориентироваться на достижения синтетической культуры, формировавшейся среди многообразных на-

родов Евразии: они - не враги и конкуренты, а союзники и опора будущего совместного прогресса. Все это в комплексе лежит в фундаменте учения о симфонической личности как концептуального основания эстетической теории евразийства.

Примечания:

1. Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике: Сб. ст. / Сост., авт. вступ. статьи и комментарии Отрадин М.В. - Л., 1991. 304 с.
2. Краснощекова Е.А. Иван Александрович Гончаров: мир творчества. СПб. «Пушкинский фонд», 1997. Электронный ресурс. Размещено: <http://www.twirpx.com/file/1156970/>
3. Сахаров В. Скромное обаяние обломовщины Электронный ресурс. Размещено: [http://VsevolodSakharov . All rights reserved.\](http://VsevolodSakharov.Allrightsreserved.)
4. Чотчаева М.Ю. Исторический культурный миф о Кавказе и отдельные модификации темы «кавказского пленника» в современной русской и северо - кавказской литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2009. №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiiy-kulturnyy-mif-o-kavkaze-i-otdelnye-modifikatsii-temy-kavkazskogo-plennika-v-sovremennoy-russkoy-i-severo-kavkazskoy>
5. Гончаров И.А. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 8. Необыкновенная история. М.: 1978. 321 с.
6. Электронный ресурс. Размещено: <http://tolstoj.ru/1615.html>
7. Гончаров И.А. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 4. Обломов. М.:1978 - С.62, 80-89.

References:

1. The novel «Oblomov» by I.A. Goncharov in the Russian critique: Coll. of art. / comp., introduction and annotations by Otradin M.V. L., 1991. 304 pp.
2. Krasnoshchekova E.A. Ivan Aleksandrovich Goncharov: the world of creativity. SPb. «Pushkin fund», 1997. Electronic resource: <http://www .twirpx.com/file/1156970/>
3. Sakharov V. The modest charm of Oblomovism. Electronic resource: [http://VsevolodSakharov. All rights reserved.](http://VsevolodSakharov.Allrightsreserved.)
4. Chotchayeva M. Yu. Historical and cultural myth about the Caucasus and separate modifications of a subject of «The Caucasian captive» in the modern Russian and North-Caucasian literature // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. 2009. No. 2. URL: [http://cyberleninka. ru/article/n/istoricheskiiy-kulturnyy-mif-o-kavkaze-i-otdelnye-modifikatsii-temy-kavkazskogo-plennika-v-sovremennoy-russkoy-i-severo-kavkazskoy](http://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiiy-kulturnyy-mif-o-kavkaze-i-otdelnye-modifikatsii-temy-kavkazskogo-plennika-v-sovremennoy-russkoy-i-severo-kavkazskoy)
5. Goncharov I.A. Collected works in 12 volumes. V. 8. Unusual history. M.: 1978. 321 pp.
6. Electronic resource: <http://tolstoj.ru/1615.html>
7. Goncharov I.A. Collected works in 12 volumes. V. 4. Oblomov. M.:1978. P. 62, 80-89.